

SEMIWEEKLY CLASS POSTAGE PAID AT NEW YORK, N. Y.

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

КРАТКИЕ НОВОСТИ

• Президент национального китайского правительства на Тайване ген. Чан Кай-ши опроверг распространившиеся слухи о секретных переговорах между национальным правительством и Пекином.

• Ассоциация американских корреспондентов в Лондоне исключила из числа своих членов представительницу женского журнала мод, опубликовавшую заявления принцессы Энн, сделанные ею в частном порядке за завтраком.

• Правительство Ирака распорядилось о высылке в течение 24 часов 250.000 иранских граждан, живущих в Ираке. Прибывший в Тегеран духобный глава иранской колонии в Ираке шейх Айятула Мохаммед Шахруди заявляет, что иранские граждане в Ираке подвергаются массовым нападениям и грабежам, а женщины — насилиям.

• По случаю Нового Года королева Елизавета II произвела в ранг командора Ордена Британской империи Артура Кестлера — известного писателя антикоммуниста.

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO, 243 West 56th Street, New York, N. Y. 10019

— ГАЗЕТА ВЫХОДИТ С АПРЕЛЯ 1910 ГОДА —

ЛИТЕРАТУРА и ИСКУССТВО

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

БЕСЫ

Писатель Аркадий Белвилов, выразившийся в Советского Союза в 1968 году, теперь покойный, был арестован во время войны.

Изучению мифологических допросам и пыткам, Белвилову дали, в качестве наказания его тяжелой вины перед бесовской властью, «заключенные экспертной комиссии, изучившей подопытных им с печатной машинкой и архив, мятый при аресте».

Кроме «Заслуженный», одним из авторов которого был критик и литературовед В. О. Ермилов, в деле был еще личный делос Ермилова, требовавшего расстрела Белвилова.

Из личного телефонного разговора палач-следователь с Ермиловым Белвилов узнал, что местный литературовед по своему местительству был сексом от гомосексуальности, и не простит сексом, а маститым, заслужившим бесом.

Великим провидцем, каким был Федор Михайлович Достоевский, свыше дано уреть будущее, и он предвидел торжество Шингалевых и Верховенских, но поларелал ли он, что его творческое наследие будет препарироваться и расчленяться бесами в образе литературоведов?

В советском достоевствоведении (халдейское слово, сказал бы Буин!) имя В. В. Ермилова занимает не последнее место.

Его перу, в частности, принадлежат «Очерк творчества», предостынный десятилетнему собранию сочинений Достоевского, вышедшему в 1956 г.

В очерке даются апробированные формулировки, руководящие указания.

Я вспоминаю свою молодость. Я окончил факультет русского языка и литературы Педагогического института. Я слушал курс русской литературы — в нем не было Достоевского.

В библиотеках провинциального города, где я жил, не достать было книг Достоевского, но тот, кто хотел, мог найти: Достоевский был в частных библиотеках, его книги хранили по рукам, как хоят теперь произведения Самиздата.

Мы знали, мы видели бесов Достоевского: они были хозяевами России и хозяевами ее остатков.

И давно умерший писатель живет в своих книгах.

И зачванный в подполье, си бы сильными: люди читали его, а бесы о нем молчали.

После долгие колебаний решились издать, а против подпольного, появившегося на полках библиотеки, в программах средних и высших учебных заведений, — начали войну.

Ермилов пишет:

«Достоевский дал трагическую картину жизни народа под игом Романовых...»

«его «обрабачивание» как капитализма было критикой с позиций реакционной...»

Ермилов утверждает:

«В «Братьях Карамазовых» пронизан тяжелый самообман писателя...»

«в «Бесах» он «оседело» стоит на позициях защиты доархивско-буржуазного общества».

Я исколесил не отступило достоевского Ермилова под бором цитат: он сам себя оглушил.

«Я хочу только показать характер войны, которая ведется против Достоевского, средства, которые используются».

«В отделе от маститого сотрудничества госбезопасности, достоевствоведы — Л. П. Гроссман, А. С. Долганов, М. М. Бахтин и другие — в капитальных трудах, посвященных Достоевскому, выступают в духе научной объективности».

«Советские достоевствоведы, как правило, призывают на помощь основоположника социалистического реализма Горького, который говорит о «самом гениальном Достоевском, о великом гении людей «вдохновенного таланта» его, «о реакционных тенденциях его творчества».

«Между тем, и сам Горький признавал, что талант Достоевского может быть равен только Шекспиру».

«Живое тело единого и своей

устремленности к Высшим ценностям творчества великого писателя расщепляется с тем, что можно было искренне писать о Достоевском, гениальном художнике, и лукаво о Достоевском, провидце российской катастрофы».

Именно об этом пишет в последнем номере «Литературной газеты», за 11 ноября 1971 года, критик Т. Л. Мотылева, настоятельно советуя идти в Достоевском «вперед» всего автора гениальных романов, а не христианского проповедника», жалует на тех «архивных ученых, которые ищут гений Достоевского в его единости и неповторимости».

Очень недолго Т. Л. Мотылева, например, французским ученым Пьером Паскалем, автором монографии «Достоевский» (1969).

«Паскаль, — негодует она, — осторожно, исподволь, но очень настойчиво выдвигает на первый план те стороны наследия Достоевского, которые были враждебны социализму и революции».

Враждебность Достоевского коммунистическому бесовству и выдвигать не нужно: она на первом плане, она в самой сущности его творчества».

Достоевский представляется мне Гулливером, вокруг которого суетятся толпа ливнугов, старается связать его, похвалять.

«А он стоит во весь рост, он говорит во весь голос».

Его ювиги на полках библиотек, его ювиги в руках читателей».

Перед читателем теоретик грядущей тирании Шингалев, разделивший человечество на две неравные части: одна десятая получит свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятими».

«А рядом с Шингалевым его двойник — Ленин, теоретик диктатуры пролетариата, приницо полноты ее диктатурой коммунистической партии над пролетариатом, над всем народом».

Перед читателем Федька Каторжный, убиенный по ремеслу, а рядом его двойник, массовый убиенный Сталин».

Ленинизм и есть шингалевщина, претворения в жизнь Ленинных, его верный учеником Сталиным и сталинскими преемниками».

«Замка на мертвого дома» Тургенева сравнил с Дантовым «Адами», а Герцен со «Страшным судом» Милютинского».

«Но с чем сравнить повесть «Один день Ивана Денисовича» и роман «В круге первом» Солженицына, если круг первый коммунистического ада страшнее последнего круга «Ада» Данте?»

Роман «Бесы» написан в 1871—72 годах, ровно сто лет тому назад, но будто сейчас бесы Верховенский, современники наши, доверительно сообщают Ставрогину:

«Слушайте, и их всех считает: учитель, смеющийся с детьми над их Богом и над их колыбелью, уже наш. Адвокат, защищающий «образцового» убийцу тем, что он развратец своих жертв и, чтобы денег добыть, не мог не убить, имен наш. Школьник, убиенный мушкетера, чтоб испытать ощущение, наш. Присяжные, оправдывающие преступников и, слышь наши. Прокрор, трепещущий и суе, что он недостаточно либерален, наш. Администратор, литератор, о наших много, ужасно много, и сами того не знают!»

Гений Достоевского, прозрев катастрофу России, видит смертельную угрозу, нависшую над всем миром».

«Я никогда не видел этого человека, — писал Лев Толстой о Достоевском Страхову, — и никогда не имел никаких отношений с ним, и вдруг, когда он умер, я понял, что это был самый близкий, дорогой, и ужасный мне человек».

Так писал Толстой много лет назад.

Но гений не умирает — он живет в том, что создал, и Достоевский, великий провидец, познавший законы бытия, провидящий в глубинах Духа, продолжает стучать в железные станы, закрывшие человеческие души».

Писатель нового поколения Юрий Бондарев говорит о Достоевском в «Литературной газете» (за 11 ноября 1971 года): он огромный, он сложный, он напоминает дельтовую пытку без надежды на исцеление...»

Если расчленить творчество Достоевского, если видеть в нем только художника, автора гениальных романов, избалованного и униженного».

В своей единости, творчество Достоевского, — некая Вселенная духа, может быть, и не до конца познаваемая, а в ней Солнечная система, — и в центре ее Христос».

В нем видит Достоевский на баловне».

«Паскаль, — негодует она, — осторожно, исподволь, но очень настойчиво выдвигает на первый план те стороны наследия Достоевского, которые были враждебны социализму и революции».

Враждебность Достоевского коммунистическому бесовству и выдвигать не нужно: она на первом плане, она в самой сущности его творчества».

Достоевский представляется мне Гулливером, вокруг которого суетятся толпа ливнугов, старается связать его, похвалять.

«А он стоит во весь рост, он говорит во весь голос».

Его ювиги на полках библиотек, его ювиги в руках читателей».

Перед читателем теоретик грядущей тирании Шингалев, разделивший человечество на две неравные части: одна десятая получит свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятими».

«А рядом с Шингалевым его двойник — Ленин, теоретик диктатуры пролетариата, приницо полноты ее диктатурой коммунистической партии над пролетариатом, над всем народом».

Перед читателем Федька Каторжный, убиенный по ремеслу, а рядом его двойник, массовый убиенный Сталин».

Ленинизм и есть шингалевщина, претворения в жизнь Ленинных, его верный учеником Сталиным и сталинскими преемниками».

«Замка на мертвого дома» Тургенева сравнил с Дантовым «Адами», а Герцен со «Страшным судом» Милютинского».

«Но с чем сравнить повесть «Один день Ивана Денисовича» и роман «В круге первом» Солженицына, если круг первый коммунистического ада страшнее последнего круга «Ада» Данте?»

Роман «Бесы» написан в 1871—72 годах, ровно сто лет тому назад, но будто сейчас бесы Верховенский, современники наши, доверительно сообщают Ставрогину:

«Слушайте, и их всех считает: учитель, смеющийся с детьми над их Богом и над их колыбелью, уже наш. Адвокат, защищающий «образцового» убийцу тем, что он развратец своих жертв и, чтобы денег добыть, не мог не убить, имен наш. Школьник, убиенный мушкетера, чтоб испытать ощущение, наш. Присяжные, оправдывающие преступников и, слышь наши. Прокрор, трепещущий и суе, что он недостаточно либерален, наш. Администратор, литератор, о наших много, ужасно много, и сами того не знают!»

Гений Достоевского, прозрев катастрофу России, видит смертельную угрозу, нависшую над всем миром».

«Я никогда не видел этого человека, — писал Лев Толстой о Достоевском Страхову, — и никогда не имел никаких отношений с ним, и вдруг, когда он умер, я понял, что это был самый близкий, дорогой, и ужасный мне человек».

Пушкин в музыке

(Начало на 2-ой странице)

«На добра коня садая, Ей прикажало — себя Поберечь, его любя».

Царь Салтан, с женой простясь, На добра коня садая, Ей прикажало — себя Поберечь, его любя».

Перед вторым действием — звуковая картина моря. С шумом подымаются и спускаются морские валы, на гребнях волн плывет бочка, а в ней плачет царьца, и растет ее сын час по дню, а по часам».

Перед тем, как показывается чудесный город Ледевец раздается торжественные звуки колокольного перезвона, а фанфары зовут народ смотреть на одно из чудес: белокурую, грующую золотые орешки».

«Есть там белка, что при всех Золотой грызет орех... В кучки разные кладет И с присносудной поет При честном при всем народе: «Во саду ли, в огороде»».

В оркестре прохлдит мелодия народной песенки: «Во саду ли, в огороде».

Кроме Римского-Корсакова, и другие композиторы из «Могучей кучки» посетили Пушкину свое творчество. Цезарь Антонович Кюи переделал на музыку «Сожженое писание», Александр Порфирьевич Бородин автор оперы «Князь Игорь», написал чудесный романс на слова Пушкина «Для берегов отчизны дальной».

Современником «Могучей кучки» был величайший русский композитор Петр Ильич Чайковский. Он не принадлежал к этой музыкальной группе, но отношения его к «Могучей кучке» были дружественными. И к нему, в траурном венке, подошла пушкинская муза и он, склонясь перед ней, отдал ей свое музыкальное мастерство и вдохновение. Чайковский написал оперы на поэмы Пушкина «Полтава» (эта опера называется «Мадеппа») и «Евгений Онегин».

Из повести «Биковая дама» выросла опера того же названия. «На прошлой неделе, — пишет Чайковский в 1877-ом году, был я как-то у Лавровской (жена, профессор московской консерватории). Ее глупый муж молот всякую чепуху и предлагал мне самые невозможные сюжеты. Елизавета Андреевна молчала и добродушно улыбалась, как вдруг сказала: «А что бы взять «Евгения Онегина»? Мне эта мысль показалась дикой и я ничего не ответил. Потом, обедая в трактире один, я вспомнил об «Онегине» и задумался, потом стал находить мысль Лавровской все милой, потом задумался и к концу обеда решил. Тотчас побежал отыскивать Пушкина, с трудом нашел, отправился до мной, передел с восторгом и привел совсем бессонную ночь».

Результатом бесонной ночи был сценарий чудесной оперы с текстом Пушкина. Об этом писал П. И. Чайковский либреттисту, Милесту Ильичу Чайкову, но письмо не нашло должного отклика. «Зачем брать за сюжет, где все так просто, где нет интриги, острый драматических переживания? Почему Пушкина все знают и любят, но разве можно владеть в музыке пушкинских героев? Они так обычные!»

Но композитор, вопреки всяким опасениям и предостережениям, сумел создать «принципиальную», как сам он ее назвал, оперу. Опера была написана в 5 месяцев и поставлена в московском Малом театре студентами консерватории. Чайковский не решился ее оставить в Большом театре.

«Во время антракта, — писал Чайковский, — я сидел со многими моими товарищами. Они сразу полюбили мою «Онегина». Н. Г. Рубинштейн сказал, что он влюблен в эту музыку. Танеев разрыдался, — все выразили любовь к «Онегине» с такою силой и искренностью, что был радостно удивлен этим».

Вскоре опера была поставлена на сцену Мариинского театра и в других театрах. В 1888 году «Евгений Онегин» был поставлен в Праге и дирижировал оперой сам автор. Композитор Дворжак восторгался этой музыкой. Как известно, эта опера идет теперь на всех европейских сценах, была поставлена она и у нас, в Нью-Йорке. Был создан в Советском Союзе мюзикл «Евгений Онегин», яркий и художественный, без следа агитки. Наконец, можно было увидеть шпунтартский балет «Евгений Онегин». Прелда, там звучала музыка Чайковского, но только не из оперы, а русского было там мало».

Как же создавалась другая знаменитая опера Чайковского «Биковая дама»? Сюжет повести Пушкина интереса в композитору не вызвал. «Я хотел бы написать оперу, — говорил Чайковский, — лишь на сюжет, который меня глубоко вдохновляет».

«Биковую даму» начал писать другой композитор — Клементьев, но потом почему-то отказался писать далее и тогда по предложению директора императорских театров, Чайковский согласился создать эту оперу. Чтобы вполне отдалиться творческой работе, он уехал во Флоренцию и в течение 44-х дней создал свое знаменитое произведение. Содержание «Биковой дамы» несколько отличается от повести Пушкина. Изменена психологическая трактовка героев».

Премьера «Биковой дамы» состоялась в 1890 году и имела колоссальный успех. «Биковая дама» скоро стала мировым достоянием. Чайковский писал о ней: «Для я ужасно ошибаюсь, или «Биковая дама»

в самом деле шедевр. Я испытывал в некоторых местах, например, в четвертой картине (сцена встречи Германа со старухой-графиней), такой страх и ужас, что не может быть, чтобы слушатели не ощутили хоть часть того же...»

Под влиянием пушкинской лирики была создана композиция и симфония — «Зимние грезы». В первой ее части звучит мягкая, немного грустная мелодия, звенит колокольчик, веет снежный ветер».

По дороге зимней, скучной Тройка борзая бежит, Колокольчик однозвучный Утомительно гремит».

Четвертая часть симфонии — беспокойная, бурная, влюбленная...»

Мчатся тучи, вьются тучи Невидимой луны Освещает снег летучий Мутно небо, ночь мутна...»

Теперь упомяну о более поздней, но по времени — композиторе С. В. Рахманинове. Рахманинов из поэмы Пушкина «Цыгане» создал оперу «Алеко» по имени героя поэмы. Им же написаны «Скудный рыбак» и романсы на слова Пушкина. Среди романсов особенно прелестен «На холмах Грузии».

Хочется упомянуть еще о том, как же в родине воплощаются сейчас в музыке творчество поэта. Замечу многого, что еще не так давно «в массах» слабо знали Пушкинскую эпоху. Это незнание порой было совершенно анекдотическим. Однажды (это было еще до войны с немцами) мой ученик мне поддал сочинение о жизни Пушкина. В этом сочинении были такие сведения: «Пушкин имел много. Ничего его любил и для него была в кооперативную лавочку и выставляла в очередь». Теперь же мне довелось читать о том, что требования к пониманию пушкинской эпохи стали более суровыми. Так, — рассказывает один профессор, — некий студент провалился на экзамене обязан пригласить друзей Ленского с Онегиным следующим образом. Ленский рассердился на Онегина потому, что тот пригласил Ольгу в котельную. Студент не понимал слова «котельная». Ничего, довольно об этом».

Насчитывается более ста композиторов в Советском Союзе, воплощающих творчество поэта в музыку. При мне, до войны, писались романсы. Например, в 1938-ом году, Евгений Славянский написал романс на слова Пушкина: «Я вас любил...» Но пока еще музыка, посвященная Пушкину, в большинстве случаев связана с хореографией. Так, созданы прекрасные балеты: «Бахчисарайский фонтан» (музыка Асафьева), «Медный всадник» — Глязера, «Барышня-крестьянка» творца Асафьева. Надо все же радоваться стремлению русских музыкантов к тому, чтоб их музыка соответствовала поэтическому первоисточнику».

Т. Иванк

ПАРОДИЯ

Поэт В. Божов написал такие стихи:

«Я работаю в пеху. Где почтине сплук. Я его на изюмальные Молоточки куку. Молоточки кукувал, Я ни золото дай. Подбавлю нехватки И других сортов стальных, Чтобы звил шаровый. Что старое не для них...»

Мих. Рассказов отозвался пародией:

Рано утром в встаню, Чаю рюмку пополью, А потом, остр и лок, Начну давать сток. Купу сам да нечаял, В изюмные провию, Чтобы строчка не рыдала И не была на дуоу. Прибавлю малость гречки И парного молока, Чтобы придал словечки И чернула строчку. Сильно перца без печали В стихотворную струю, Чтобы строчка не пылала, Я не вышла налюю. Вот и кончена работа — Результаты неплохи. Сам бы ал, да малю что-то — Больно изюмные стихи! (с.1 газ.)

ПОЭЗИЯ АЛЕКСАНДРА РЕШЕТОВА

Моя сослуживца поэтесса Лидия Алексеева, обратила мое внимание на сборник стихов малоизвестного русского поэта Александра Решетова. (Из моих десятилетий). Избранная лирика. Ленинград. Изд. Художественная литература 1969).

В этом сборнике особое внимание обращает на себя стихотворение посвященное Ане Ахматовой.

Ее поклонников огромный Собор Никольский не вместил. Но, троерукот повторенный, Всем ритуал тот слышен был.

Завещанное отпеванье Не ветер мартовский окрест. Скорбь о рабе Господней Ане И нас с утра срывала с мест.

И мы, безбожники, стояли В толпе под грустью ветровой. И нас снежинки вырвали Перед невольной слезой.

Но что нас выручит пред вольной Не новой душой своей? За тех, кто верит в Бога, больно, А ведь безверие страшней.

Не видя в нем и малой чести, Не позолочивая, уже наш. Она как бы на любом месте, Вины не ведала, ждала.

О култов серые химеры! Без рабской робости, без них У нас есть творчество, есть вера.

Есть в жизни ленинская мера, И у меня, есть этот стих.

И, на ветру слезой не так, Воду, стroma даваю грудь. И болью, боль, пережитая, И слава, славою пребудь.

Алексей Сидан

Если отбросить, необходимую для цензуры нахит о «ленинской мере», к тому же «безмерное» нарушающую размер стиха, то остаются талантливые стихотворения. Хотя поэт и говорит: — «За тех, кто верит в Бога, больно (и этим как бы отдаст еще одну дань молочку), но он же в следующей строфе признает: — «А ведь безверие страшней...»

Необходимо сказать несколько слов и о самом поэте. Биографические данные о нем необычайно скудны. В виде послесловия к сборнику, дается его краткий жизненный путь. Приведено одно из лучших стихотворений поэта, а

котором он говорит, что: Мой возраст с полем августовским схож. Где каждый юнок просит торжества.

Поэт как бы торжественно высказывает уверенность, что все еще он сказал, так как, быть может, якутское серые химеры еще раз поработат его свободу и творчество».

Александр Ефимович Решетов родился в 1909 году в крестьянской семье глухой новельской деревни. В начале тридцатых годов работал в Заполярье на строительстве Хибинского горно-обогатительного комбината. Дальше об этом периоде его жизни — как это всегда в таких случаях бывало — попросту отсутствуют. Не будем и мы допытываться, почему молодой поэт оказался в Заполярье в расцвете своих творческих и физических сил.

Однако, он продолжает неустанно над собой работать и совершенствоваться в и в отношении некоторых других крестьянских поэтов, не говорит ни за молот, ни за колесничное стихотворение, благодаря глубокому психологическому подходу к своему творчеству, печатаясь сравнительно редко, создает постоянно одухотворенную музыку слов.

Судя по фотографии Решетова, он немало пережил в жизни. На нас смотрит лицо уставшего человека — однако — с необычайно пронзительным взглядом.

По-видимому опыт пережитого в жизни, подкалал поэту и следующие прекрасные строки:

Огонь войны не смет в душе, не вылет Ни нежных чувств, ни дорогих...

Алексей Сидан

В ЛЕСНОЙ ГЛУШИ Индейский край Мускоко... Пушкинский бережень, Озерные протоки И бурый железник.

На рощисты дымится Костер в стопах дубов: Обделова на лица Нильской сучовей.

Сидала так и пахуча Криничная вода; А в снежно-белой туче Вигвамы и стада.

Топор в траве, Святыя Ложится тишина... Светло мне, поминая Родные имена.

Д. Семенов

НАРЦИСС - ИМЯ НАРИЦАТЕЛЬНОЕ

Много Нарциссов среди людей, любующихся собой, но не умирающих от самолюбивости.

М. Е. Салтыков-Щедрин («Иринами» времени) называл Нарциссами современных ему либеральных болтунов, влюбленных в собственное красноречие, тех «всеядней прогресса», которые по ироничным поводам пререкались с правительственными чиновниками, принося свои личные интересы болтовней о «сытом деле», «светлом будущем» и т. п.

Там же Нарциссы «спасли репутацию» в России, тоже во имя «светлого будущего» наступило, а Нарциссы и не думают погнать от самолюбивости, как их родоначаль-

ник, сделавший свое имя нарицательным.

«Кто же этот предок былых и настоящих Нарциссов? В греческой мифологии это был красивый юноша, сын река бога Кефиса и нимфы Лейриды. Однажды Нарцисс, никогда никого не любивший, изловившись над ручьем и увидев в нем свое лицо, влюбился в самого себя и умер от тоски; тело его обратилось в шток».

Понти плавать некоем назид Публий Овидий Назон, поэт «золотого века» римской литературы, которого Пушкин называл «еще одним любящим богом» и посвящал ему много трогательных стихов, в своей поэме «Метаморфозы» (III. 341—505) так пишет о Нарциссе:

Опыт доверья и слов пророческих 1) первой случилось Лирное узнать голубой, которую обаял Гибном теченьем Кефис 2) и, замкнув ее в воды, насылел Ей учинил. Понесла красавица и разродилась Неюм ребенком, что мог в то время уж нравиться нимфам; Назван же он был Нарцисс. Когда про него вопросят, Что он, узнает нль нет срок долгий старости зрелой, Молвил правдивый пророк: «Коль сам он себя не увидит, Долго казался пустым прорицанье; его разъярила Отрока гибель и род его смерти, и пошество в страсти...»

Дальше Овидий повествует фа Эхо, над которой тяготело о том, как шестнадцатилетний наказане богини Юноны (доархивец Нарцисс был влюблен чери Сатурна) за болтовню, ленивым да юной и девушки, которой она проводила богино что гордость Нарцисса их росы лишь тем, что повторяла Влюбился в Нарцисса и ним их последние слова.

Вот Нарцисса она, бросающего в чаше пустынной, Видит, и вот уж заглянул, и за юной следует тайно; Следует дальше с ним и плывет, к огню приближась... Малчик, отбихнись меж тем от сонника сплутников верных, Крикнул: «Здесь кто-нибудь есть? Тут есть?», ответила Эхо Он изумился, кругом глазами обводит и громком Голосом кличет: «Сюда!» И зовет зовущего нимфа... 23,5 Он же настоящий и вновь, обманутой звуком ответа, «Здесь мы сойдемся» — кричит, и, охотней всего откликясь Этому зову его, «Сойдемся!» — отвечает Эхо. Собственным нимфа словам покорна и, выйдя из леса, Вот уж руками обнять стремится желанную шую. Он бежит... «От объятий удерживай-руки!» Лучше умру, — говорит, — чем тебе на потребу достанусь!»

Скрылась в пещере отвергннели кости, осталась лишь голутая нимфа. Истощилось от лес. И нимфы и толпы мужлюбил ее белое тело, окаме-

Каждый, отринутый им, к небесам протягивал руки: Пусть же полюбит он сам, но алдатель да не смеет любовной Молвил все, — и выжда справедливый Равнустин 3) просьбам

Наказанный Немесидой, утомленный охотой и зноем прилет Нарцисс у потока.

Жажду хотел утолить, но вода жажда возншла! Воду он пьет, а меж тем — захвачен лица красотою. Любит без плоти мечту и призрак за плоть принимает. Сам он собой поражен, над водою застыл, неподвижен, Юным похотней лицом на изванный мрамор паросский. Лежа, глядит он на очи свои — создала двойные, Вахса достойные зрит, Алодона достойные кудри; Шекс без пуха еще и шую из кости слововой, Прельстят рта и в лице с белоснежностью вместе румянец. Всем изумляется он, чем являть изумителен отрок. Жаждет безумный себя; похвалила, себя похвалит. Рвешнем рвется к себе, змолкает и сам пламенеет. Сколько дубовой струе он обманчив да поделует! Сколько, желая обнять в струях им зримоую шую, Руки в ручей погрнул, до себя не улавливая в водах!

Все забыл Нарцисс, он не уходит от потока и, не отрываясь, любит себя самим собой. Наконец, он в отчаянии, простеря руки к своему изображению, восклицает: — О, кто страдал так жестоко! — ответила Эхо.

«Нас разделяет только поверхность воды, но мы не можем быть с тобою вместе. Выжди от потока!»

Взвух страшная мысль оседла Нарцисса и он тихо шепчет своему отражению: «О, горе! Не полюбит ли я самого себя? Чувствую, что не много осталось мне жить и, едва расцветши, я увяну и сойду в мрачное царство Анта».

Слабей Нарцисс, бледнеет, чувствует приближение смерти, но не может оторваться от своего изображения. Плывет Нарцисс, слезы его падают в прозрачные воды потока и по прозрачной, зеркальной поверхности проши крути и исчезло и Эхо.

И уж воссиял, костер и факелы приготавливал, — Не было тела нгде. Но вместо тела, шафранный Имя найден был цветом с белоснежными вирот лепестками.

Так заканчивает Овидий свою поэму о Нарциссе.

ГНЧ

1) Предсказания Тересы, награжденной Юпитером даром пророчества.

2) Река в Беотии

3) Богиня Немесиды, попишавшая в городе Равнусте